

УДК 33:930

Щеголевский В.А.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)

**ОТ ОГРАНИЧЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ
К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ В УЧЕНИЯХ
Ф. КЕНЭ И А. СМИТА**

V. Schegolevski

Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

**FROM LIMITED ECONOMIC FREEDOM TO ECONOMIC LIBERALISM
IN F.KENE AND A.SMITH'S DOCTRINES**

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования экономического либерализма. В исследовании предлагается новая трактовка данного явления во второй половине XVIII в. Идеи Ф. Кенэ нельзя назвать либеральными в привычном понимании этого слова, так как им предлагались ограничение частного кредита и прямое государственное вмешательство в экономику. А. Смит рассматривается как идейный противник феодальной Европы, его либерализм следует рассматривать как оппозицию господству современных ему аристократов.

Ключевые слова: история экономической науки, классическая политическая экономия, физиократы, экономический либерализм.

Abstract. The article is devoted to the problems of formation of economic liberalism. The study offers a new treatment of the given phenomenon in the second half of the 18th century. F. Kene's ideas can be hardly called liberal in conventional understanding of the word as he offered restriction of private loans and direct state interference in economy. A. Smith is considered as an opponent of feudal Europe, whose liberalism should be considered as a reaction to the supremacy of aristocrats in his epoch.

Key words: history of economic science, classical political economy, physiocrats, economic liberalism.

Физиократы – между этатической иерархией и свободным рынком

Физиократов, как и меркантилистов, интересовала практическая сторона экономики, и, с этой точки зрения, они сделали большой вклад в науку, описав современные им хозяйственные системы, совершавшие переход из аграрной в промышленную эпоху через наращивание производства сельскохозяйственного сырья. Именно на увеличении производства сельскохозяйственного сырья настаивал Кенэ, а его слова в защиту сельского хозяйства были направлены не на преуменьшение значения промышленности, а против дисбаланса в экономике, порожденном искусственной урбанизацией. Ф. Кенэ, будучи человеком своего времени, настаивал на первенствующем значении сельского хозяйства как источника процветания и успехов нации. Он одним из первых увидел зло новой наступающей индустриальной эпохи – хозяйственный дисбаланс между городом и деревней. Деграция села, по мнению великого французского экономиста, должна вызвать деграцию всего общества. В этом смысле идеи Кенэ актуальны до сих пор. Посмотрим на состояние российской деревни сегодня и на загнивание российской провинции, на переполненные трудовыми мигрантами города страны в наше десятилетие, 2000-е гг., и мы поймем правоту школы физиократов.

В XX в. о проблеме дисбаланса между городом и деревней как проблеме стран третьего мира заговорят представители экономики развития. Суть этой проблемы заключалась

© Щеголевский В.А., 2011.

в том, что массы сельского населения после демографического взрыва периода «зеленой революции» устремились в города. Переполненные городские центры не успевали дать работу всем желающим, из-за чего вокруг них росли кварталы бедноты, а заработная плата городских рабочих снижалась, приравниваясь практически к заработкам жителей села. Похожая ситуация наблюдалась во Франции XVIII в., а также в СССР и современной России. В советском случае не было безработицы, но приток масс сельского населения в города, «эффект лимита», снизил фактическую оплату (с поправкой на скрытую инфляцию) и, соответственно, квалификацию труда, что стало одной из причин кризиса советской экономики. Фиксированные цены в советской экономике только раскручивали механизм скрытой инфляции, а сельское население страдало от низких доходов вследствие заниженных цен на продукты питания. Точно также правительства Бурбонов контролировали цены на зерно, тормозя таким образом развитие сельской экономики и раздувая непроизводительную часть городской экономики.

Несмотря на то, что Кенэ сделал настоящий прорыв в экономической науке, пересмотрев концепцию стоимости и создав первую целостную модель экономической системы, он остался в плену у философских идей своего века, и мы в этой связи начнем рассмотрение учений физиократов именно с этой точки зрения, а уже затем перейдем непосредственно к проблеме моделирования экономических структур и процессов в их теориях. Французский исследователь истории экономических учений и неoinституционалист Пьер Розанваллон в свое время подверг сомнению правоту утверждения, что Ф. Кенэ был одним из первых либералов. Дело в том, что физиократы продолжали рассматривать королевскую власть как главный гарант прав частной собственности, а сословную структуру они предлагали заменить строгой административной иерархией, приводя в пример по этому поводу Китай. Сословная иерархия виделась Кенэ вредной, поскольку она вела к

конкуренции между сословиями в обществе, что разрушало единство последнего. Проще говоря, Кенэ предложил заменить европейскую сословную монархию азиатским этазмом, либерализма здесь не больше, чем в политических взглядах Муссолини.

Кенэ, по другому, нежели экономисты XIX в. смотрел на механизм функционирования рыночной экономики, он одним из первых вводит детерминанту исторической предопределенности в экономическом развитии, к чему в середине XIX в. придет Ф. Лист, создав историческую школу. Если история – это первая детерминанта, то человеческое заблуждение, переросшее в привычку – вторая. Именно с рассмотрения человеческого заблуждения в хозяйственной жизни начинается свои исследования в сфере практической экономики Ф. Кенэ. Он показал, что применение лошадей в сельском хозяйстве намного более выгодно, нежели волов, однако большинство французских хозяйств применяло последних. В связи с этим Кенэ предлагает начать насаждение применения лошадей в земледелии, что явно противоречит принципам экономического либерализма. В политической сфере Ф. Кенэ, как мы сказали выше, оставался приверженцем не просто абсолютистской монархии, а этактической системы государственного устройства. Одно его высказывание ставит его ближе к Гоббсу, нежели к Локку: «Верховная власть должна быть едина и выше всех членов общества и всех незаконных посягательств частных интересов, так как целью господства и повиновения является достижение всеобщей безопасности и удовлетворение дозволенных интересов. Система многовластия является пагубным заблуждением, так как она повлекла бы за собой лишь распри сильных и угнетение слабых» [2, 407].

Но при этом Кенэ верит, что такая модель монархии будет справедливой и экономически эффективной для общества, если будет соблюдать некие естественные законы, сформулированные отчасти им же самим. Отношение к конкуренции между сословиями отражает отношение к конкуренции фи-

зиократов в целом, они ее просто не видят в рыночной экономике, да и сам рынок у них не выступает некоей детерминантой, в отличие от либералов XIX в. Конкуренция, в понимании Кенэ, есть однозначное зло, которого нельзя допускать в обществе. Идеалом Кенэ является общество с экономически гармонизированными интересами. Рынок представляется Ф. Кенэ как статичная сфера обмена, цены в рамках которой должны быть стабильны. Единственное, он выступает против контроля над хлебными ценами, поскольку последние ведут к обнищанию крестьянства, то есть нарушают гармонию и баланс экономических интересов в обществе.

Из практических выводов, сделанных Кенэ, видно, что его главным идеалом было гармонизированное статичное общество, а не свободная рыночная экономика. Две рекомендации, которые выглядели в то время не так политически безобидно, были направлены на сохранение того самого полуфеодалского порядка, в рамках которого и жило современное физиократам французское общество. Первая рекомендация: Кенэ считал, что налогом надо облагать только чистый продукт, – как единственный подлинный экономический «излишек». Любые другие налоги обременяют хозяйство. Это означало, что феодалы, на которых Кенэ возлагал столь важные и почетные социальные функции, должны были на деле платить все налоги. В тогдашней Франции дело обстояло наоборот. Вторая важная рекомендация: поскольку промышленность и торговля находятся «на содержании» у земледелия, надо, чтобы это содержание обходилось возможно дешевле, это будет при том условии, если отменить или хотя бы ослабить все ограничения и стеснения для производства и торговли. Таким образом, расширение свободы для промышленности и торговли мотивировались интересами землевладельцев, куда входили и феодалы, в которых Кенэ, как и все консерваторы его времени, усматривал государствообразующую силу.

Идея либерализации экономической системы, как это явление виделось физиократам,

произошла в размышлениях Кенэ от другой важной его концептуальной идеи – отрицания денежного богатства как полезной для общества ценности. По мнению Кенэ, деньги должны обслуживать оборот, и только. Сберегательная функция денег рассматривалась физиократами как вредное для экономики изъятие национального богатства. Но оппоненты Ф. Кенэ и его учеников – меркантилисты – утверждали, – наоборот, деньги есть главное богатство, и государство отсюда, должно стремиться к поддержанию положительного платежного баланса. Но если деньги, по Кенэ, сами по себе не имеют значимой ценности, то и борьба за положительный платежный баланс, и стремление государства к накоплению запасов драгоценных металлов не имеют смысла. Напротив, рост денежных накоплений подрывает благосостояние нации, как учили физиократы. Значит, надо снять государственные путы с торговли, но заботиться о том, чтобы в государстве не возникли слишком большие денежные накопления.

Кенэ противопоставляет денежному богатству земельное богатство. Он против финансистов, которые поработили фактически Францию Бурбонов, и он видит выход из ситуации в изменении самого хозяйственного строя страны, а именно это и предлагается физиократами. Только их «хозяйственная революция» имеет ретроградский характер, по сути, в ее концепции предлагается заменить финансиста землевладельцем, сохранив при этом полуфеодалскую иерархию общества. Это видно из следующего тезиса Ф. Кенэ: «После богатств, идущих на эксплуатацию и культуру земель, следует поставить доходы и налог государства, которые представляют из себя богатства первого порядка, необходимые для того, чтобы обезопасить подданных от голода и неприятеля, поддержать славу и могущество монарха и благосостояние народа» [2, 410]. Как видно из этого высказывания, Ф. Кенэ фактически не является либералом, он даже благосостояние народа ставит на последнее место после могущества монарха.

Идея о том, что христианская монархия должна обеспечить неголодное существо-

вание подданных, является старым постулатом. Поэтому в системе ценностей Кенэ продолжает преобладать архаика. Но вместе с тем и экономизм учения Кенэ, когда он пытается построить целостную модель функционирования хозяйственной системы всего общества, является своеобразным вызовом христианской доктрине. В рамках христианской догматики все происходит по воле Бога. Но у Кенэ получается иначе. Голод и бедность есть следствие неразумной политики как государства, так и отдельных хозяйствующих субъектов, и жизнью человека руководит не провидение, а экономические законы. Как у Локка, Пуфендорфа и Гоббса, у физиократов мы видим экономизм, только он очищен от рассуждений о пороках и справедливости. Экономически развитое общество, по Кенэ, автоматически становится счастливым и справедливым, но рост благосостояния может быть вызван только соблюдением естественного закона – закона пропорционального распределения доходов от сельскохозяйственного производства.

Рост аграрного сектора экономики – это та панацея от бедности и возможной революции, как это видит Кенэ. Все, что мешает появлению этой «панацеи», должно быть устранено, в этом смысле функции государства практически не имеют ограничений в системе ценностей физиократов. Например, Кенэ отстаивает принцип частной собственности, однако здесь он исходит только из того мотива, что без гарантий частной собственности никто не будет хорошо культивировать землю. В другом же месте он прямо намекает на возможность ограничений прав частной собственности, он пишет: «Земли, предназначенные для культуры зерновых хлебов, следует соединять по возможности в большие участки, эксплуатируемые богатыми фермерами» [2, 367]. Означает ли это возможность конфискации или принудительной продажи земель малоземельными крестьянами богатым фермерам? Вполне возможно.

Нам можно возразить, – ведь Кенэ был сторонником свободных торговли и считал необходимым поощрять конкуренцию.

Да, так, но конкуренцию он всегда связывал в первую очередь с торговлей и ремеслом, считая ее полезной для общества, так как «соперничество купцов и ремесленников принуждает их довольствоваться меньшим вознаграждением к выгоде тех наций, которые оплачивают их услуги» [2, 367]. Таким образом, ремесленники и торговцы, в представлениях Кенэ, стоят особняком от остальной нации, что укладывается в общую систему ценностей физиократов, где ремесленники и торговцы отнесены к «бесплодному классу». Конкуренция, таким образом, по Кенэ, приносит пользу в контексте выгоды для главного, или производящего, класса, то есть землевладельцев. Кенэ является либералом меньшим, нежели Локк, для последнего конституирующим началом выступают обмен и деньги, в рассуждениях физиократов общество должно конституироваться на основе аграрного производства, которому должны быть подчинены другие стороны экономики.

Адам Смит – разрушение концепции общественной иерархии и моделирование рыночного общества

Как мы видели выше, в философские системы XVIII в. прочно проник экономизм, через который мыслители пытались объяснить основы человеческого общежития. Так или иначе, но экономизм Руссо, Локка и Кенэ не отменил идею иерархии в устройстве общества. Разрушить старые представления об общественном устройстве предстояло Адаму Смиту. Эта личность оценена в основном как только ученый-экономист, создавший политическую экономию. Никто в российской науке особо не вдавался в подробности влияния на сознание европейских народов идеи рыночного общества. На Западе данное явление изучено в основном Пьером Розанваллоном. Если в системе физиократов экономика – это механизм, основанный на аграрном производстве, неправильное ведение которого и ведет к бедности и голоду, то, в понимании Смита и его последователей, экономика – это

система, построенная на объективных законах деятельности рынка. «Руку мудрого государя» физиократов заменила «невидимая рука рынка» А. Смита, и это имело, как мы увидим, гигантские последствия для жизни Запада и России на протяжении почти двух веков после выхода в свет знаменитой книги великого шотландца «О причинах богатства народов».

Но рынок сам по себе еще не является первичным конституирующим началом в системе А. Смита. Обмен строится на излишке производства, здесь Смит сходится с физиократами. Он даже утверждает, что в экономике обмен в основном и происходит между городом и деревней, здесь Смит полностью консолидируется с Кенэ. Единственное расхождение с физиократами кроется в том, что Смит утверждает, что выгода деревни от существования города заключается в экономии на издержках, поскольку сельским жителям было бы сложно производить все то, что выпускают горожане [5, 363]. Но чтобы обмен между городом и деревней состоялся и возник, как следствие, рынок, необходимо, чтобы в деревне появился излишек. Таким образом, конституирующим обществом началом является излишек производства, а не разделение труда или, тем более, рынок. Данный вывод Смита будет повторяться и браться как аксиома многими крупными исследователями, включая и К. Маркса. Ниже мы покажем всю наивность данного суждения А. Смита и его противоречие реалиям экономической истории.

Излишек производства – это та основа, на которой держится все общество. Но, в отличие от физиократов, Смит не склонен видеть только в труде сельских жителей тот излишек, который создает цивилизацию; нет, в его понимании, всякий труд, создающий материальные ценности, производителен. В этом смысле Адам Смит разрушает привычные представления об обществе как о некоем целом организме, «теле», в котором каждый член выполняет полезные функции. Если физиократы только наполовину сделали шаг, чтобы разрушить средневековую иерархию социума, то Смит сделал это окончательно.

Рассуждая о принципах обмена между городом и деревней, Смит приходит к заключению, что главной причиной, по которой крестьянин, и не только, приобретает товары ремесленника – это невозможность человека полностью себя всем обеспечивать. Таким образом, человек не может жить один, тоже самое утверждали Руссо, Пуфендорф, Мандевиль, Гельвеций и другие. Хотя ранее А. Смит говорит о какой-то врожденной склонности к обмену. Здесь мы видим метание ученого от одного вывода к другому, и концептуальную систему Смита нельзя считать законченной.

А. Смит после рассуждений о большой пользе ремесленника для крестьянина впадает в апологетику Ф. Кенэ, читаем: «Количество готовых изделий, продаваемых жителям деревни, определяет количество материалов и предметов продовольствия, которые они покупают. Поэтому количество имеющейся у них работы и количество их средств существования могут возрастать только в соответствии с возрастанием спроса деревни на готовые изделия, а этот спрос, в свою очередь, может возрастать только в соответствии с ростом улучшений обработки земли. Следовательно, если бы человеческие учреждения никогда не нарушали естественного хода вещей, развитие богатства и рост городов во всех государствах являлись бы последующим результатом и соответствовали бы улучшению и обработке данной территории или страны» [5, 385]. В этой череде рассуждений Смита содержится явное противоречие: почему, спрашивается, крестьянин должен улучшать обработку земли и увеличивать объемы производства, когда он достигает уже какого-то необходимого оптимума. Может быть, он это делает, чтобы увеличивать растущие потребности? Но в системе А. Смита, как и у всех классиков, потребности статичны, их рост, если происходит, то очень медленно и далеко не всегда. На этот вопрос ответит К. Маркс, построив свою теорию общественной иерархии, где будет господствовать насилие. Смит же будет исходить из фактора дефицита земли как основополагающего условия развития про-

мышленности и торговли. С одной стороны, такое мнение шотландского ученого было следованием идеям физиократов, с другой – противоречие с Ф. Кенэ в той части, когда основатель школы физиократов на примере современной ему Франции доказывает, что урбанизация может бурно развиваться в условиях упадка земледелия.

Как и Мальтус позже, Смит берет за основу рассуждений о балансе между городом и деревней элементарный рост численности населения, не придавая особого значения технологии и издержкам аграрного производства, эти факторы будут оставаться статичными и в теоретической системе Давида Рикардо. В этом заключается вторая научно-методологическая ошибка классиков – статика технологии (первой ошибкой мы назвали статичность потребностей). В этом смысле Смит продолжал оставаться в плену своего века и даже отстал от физиократов, которые настаивали на высоком значении изменений в базовых потребностях человека, видя в них один из главных стимулов развития сельского хозяйства. На то, что Смит еще не порвал с традицией физиократов, указывает следующее его суждение: «При приискании выгодного приложения капитала, при одинаковой или почти одинаковой прибыли мануфактурам, естественно, отдается предпочтение перед внешней торговлей по той же причине, по какой земледелие, естественно, предпочитается мануфактурам. Подобно тому как капитал землевладельца и фермера более обеспечен, чем капитал владельца мануфактуры, так и капитал владельца мануфактуры, все время находящийся у него на виду и в его распоряжении, более обеспечен от всяких случайностей, чем капитал купца, ведущего заморскую торговлю» [5, 388]. Кенэ рассуждал подобным же образом, что земля имеет первичную и отсюда наибольшую ценность, по сравнению с другими объектами капиталовложения. Но Смит, в отличие от физиократов, противоречит самому себе, если при высоком уровне развития общества, как он пишет, земля наилучшим образом освоена и находится в дефиците, значит, в аграрной

сфере должна развиваться сильная конкуренция. Ведь одно дело, когда хлеб выращивают в округе десять фермеров, а другое дело – тысяча. Соответственно, капиталовложения в сельское хозяйство должны в развитых обществах давать меньшую отдачу, отсюда и земля будет стоить меньше.

Далее, как и физиократы в своей полемике с меркантилистами, Смит рекомендует обществам, испытывающим дефицит капитала, не бояться вывозить сырье. В этой связи он приводит примеры Древнего Египта, Китая и Индии, которые, по его мнению, разбогатели, вывозя сырьевые товары [5, 388]. Оставаясь в плену представлений своего века об экономике, основатель классической политической экономии продолжает, вслед за физиократами, связывать проблему платежного баланса с элементарным физическим объемом экспорта. Индия и Китай в реальности отстали от Запада в силу того, что они импортировали готовые изделия, не развивая их собственные внутренние производства.

А. Смит структурирует общество согласно своим представлениям об экономике. Позиция каждого индивида в обществе в его философской системе зависит от двух вещей – разделения труда и частной собственности. Но, так как вслед за Кенэ Смит строит здание экономической системы на излишке материального производства, то у него и получается, что весь интеллектуальный труд имеет непроизводительный характер. Но пока что остановимся на частной собственности, поскольку она также весомо присутствует в разрушающих привычную для людей XVIII в. церковную схему иерархии общества. Выступая защитником частной собственности, Смит нападает на ее феодальные формы. Он против принципа неделимости дворянских имений, который сохранялся в современной ему Шотландии. Саму земельную собственность в Западной Европе он рассматривает как феодальную, возникшую в результате варварских завоеваний, и, соответственно, лишенную легитимной базы. Та собственность, по Смицу, является пра-

вильной частной собственностью, которая возникла естественным образом, то есть через приобретение и прямое наследование. За рассуждениями Смита стоит явно борьба с пережитками феодализма в Европе. Таким образом, легитимность частной собственности определяется у Смита по источнику ее приобретения, а не по факту юридической принадлежности [5, 388-390].

Рассматривая ситуацию с частной земельной собственностью в современной ему Англии, Смит отмечает вред крупных ленд-лордов. По его мнению, слишком большая концентрация земли в одних руках снижает качество ее обработки, поскольку у землевладельца нет в таком случае средств и времени охватить вниманием все принадлежащее ему пространство [5, 389]. Таким образом, собственность на землю у Смита не является главным залогом развития сельского хозяйства. На примере средневековой Европы и современной ему Франции Смит показывает, что только деконцентрация частной собственности может способствовать успешному развитию экономики [2, 389-395]. Таким образом, по Смигу, эффективна только рационально и справедливо распределенная собственность, понятия рациональности и справедливости у него смешиваются. На протяжении всего своего рассказа о развитии Европы от раннего средневековья до конца XVIII в. Смит стремится показать паразитическую роль феодального сословия, как считает О'Рурк [4, 75-89], отсюда, по всей видимости, и появилась его концептуальная идея о непроизводительности интеллектуального труда (вероятно, последний во времена Смита не играл в целом заметной роли в экономической жизни).

Таким образом, Смит, вслед за Кенэ, призывает к демонтажу феодальной сословной модели общества, но, только, если Кенэ предлагает заменить ее административной иерархией в духе императорского Китая, то Смит предлагает взамен «невидимую руку» рынка [5, 150-164]. То и другое, в принципе, являлось утопией. Игнорируя научно-технический прогресс и изменения потребностей, классики предложили ирреальную модель общества [1, 20-45; 3, 10-23]. Начав с историзма, как и Кенэ, Смит ушел в построение абстракции. С его учением фактически надолго прекратилось развитие экономической мысли в контексте историзма, философии и анализа практических реалий, произошел переход к абстрактному моделированию, чем, собственно, и занимались Мальтус и Риккардо. В теории А. Смита открытыми остались вопросы: почему капитал принадлежит ограниченному числу, и почему накопление производственного излишка в сельском хозяйстве имело место, что побуждало крестьян его создавать, чтобы на этом базисе строить затем урбанистическую цивилизацию? На эти вопросы и ответит в дальнейшем К. Маркс.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арриги Д. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественно-го мнения, 2009. 550 с.
2. Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немюр. М.: Эксмо, 2008. 950 с.
3. Маккреди К. «Богатство народов» Смита. М.: Попурри, 2010. 210 с.
4. О'Рурк П. Дж. Адам Смит. О богатстве народов. М.: АСТ, 2010. 225 с.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М: Соцэкгиз, 1962. 420 с.